

Николай Цуканов

Попутчики

*Кировоград
2013*

Облокотившись на приставной столик, Валерий Сергеевич с интересом смотрел из окна поезда на проносящийся мимо пейзаж, прислушиваясь к монотонному стуку колес. Утреннее солнце уже проснулось и теперь медленно поднималось над землей, заливая оранжевым теплом деревья и луга. Капли росы на траве переливались всеми цветами радуги, словно маленькие самоцветы. Над озером клубился белый туман.

«Какая природа красивая! – подумал Валерий Сергеевич. – Плохо, что в последнее время мы разучились видеть и, главное, наслаждаться этой красотой. Спешим, бежим, летим... А куда? Зачем? И такое чувство, что все время куда-то опаздываем. Кто-то из мудрых верно заметил: «Хотите не опаздывать? Выходите раньше». А может, это часы все время спешат, подгоняя нас?» Он машинально взглянул на циферблат. До восьми оставалось четыре минуты.

Валерий Сергеевич любил простую, нехитрую мелодию, издаваемую вагонными колесами, которая звучала то быстрее, то медленнее, а иногда путалась в собственном ритме, сбиваясь на беспорядочное стаккато.

Из размышлений его вывел легкий стук в дверь. Появившийся на пороге купе пожилой проводник, одетый в помятую форменную одежду, выдавил улыбку и спросил:

– Ты чай будешь?

Эта фамильярность резанула слух. «Мы разве знакомы?» – подумал Валерий и удивленно посмотрел на проводника. Но тот, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Смотри, а то стаканов и ложек на всех не хватит. Так что определяйся, пока народ спит.

Решив, что на проводника обижаться не стоит, Валерий Сергеевич поспешил ответить:

– Да, принесите. И, если можно, покрепче. А то проснуться никак не могу.

– Может, тебе еще грузинского, №36 принести? – рассмеялся проводник. – Вспомнила бабка, как девкой была. – И добавил: – Вот это действительно, чай был как чай! Я тут уже тридцать лет уже пассажиров обхаживаю. Ложку на ведро сыпанешь – и весь вагон напоить можно было. А сейчас? Пакетики, Индия, Цейлон! Может, там он действительно чаем пахнет, а у нас – ни цвета, ни запаха!

Валерий Семенович не успевал следить за неожиданными поворотами мысли словоохотливого проводника, а тот, не останавливаясь, продолжал:

– Ты, я смотрю, по возрасту еще должен помнить желтую картонную коробку со слоником? И на ней цифра – «36». Братья поставляли из Грузинской ССР. Кстати, тебя как зовут то? Валерием? А меня Дмитрием! Ну, значит, будем знакомы! Я люблю новых людей. С ними общаться интересно. Выложат все, как на ладони – и жизнь свою, и проблемы, которые волнуют. Выплескивают разом все, что внутри накопилось. И, самое главное, я их рассказы в тайне храню ровно до тех пор, пока новые не сядут. Ты же, по-моему, до конечной? Ну, тогда нам вместе ехать долго. Может, где и по чарочке нальем. Ты как, не против?

– Так утро же, – как-то смущенно возразил Валерий Семенович.

– Для пассажира нет ни утра, ни вечера – спит и ест, когда захочет. Главное, чтобы время бежало быстрее. Ехать-то больше суток, – с этими словами проводник исчез так же быстро, как и появился.

«Когда я последний раз ездил поездом? – мысленно спросил сам у себя Валерий Сергеевич. – Лет двадцать назад точно! А что изменилось? Ровным счетом ничего. Окна грязные, постельное белье влажное, в купе жарко, и даже стаканов на всех не хватает. Проводник и тот словно из

прошлого – помятый и слегка нетрезвый. Действительно, что изменилось? Не знаю... Хотя многое вспоминается с ностальгией».

От нечего делать он достал лист бумаги и стал записывать то хорошее, что запомнилось в той далекой жизни.

Чем дольше он вспоминал и сравнивал, тем больше ему казалось, что тогда жилось намного лучше. «Чего стоят хотя бы всеобщее среднее образование и совершенно бесплатное высшее! – подумал Валерий Сергеевич. – А бесплатное жилье? Ведь кроме него строили больницы, школы, детские сады, а не так, как сейчас – по супермаркету на каждого, включая детей. И жили тогда в самой читающей стране мира, где миллионными тиражами издавали классиков – Толстого, Пушкина Лермонтова, а не Донцову. И люди ездили на экскурсии «выходного дня», а не на приусадебные участки, чтобы бороться там с колорадским жуком и американской бабочкой. Оказывается, хорошее время было! А мы и не догадывались. А может, знали, но не ценили?»

Но он не успел ответить на свой вопрос. Неожиданно дверь распахнулась, и в купе заглянула молоденькая девушка.

– Извините, 25-26-ые места здесь?

– Да-да, входите, – привстал Валерий Семенович, будто пытаясь уступить незнакомке свое место. Девушка на мгновение исчезла из проема двери. Было отчетливо слышно, как она крикнула кому-то:

– Женька! Давай сюда, вот в это купе!

Следом за ней вошел худощавый высокий парень в очках с толстыми линзами. В руках он тащил плотно набитые сумки.

– Слава богу, успели, – произнес он.

– Я же говорила тебе – давай такси возьмем! А ты? «Успе-

ем, успеем...» Еще бы немного, и куковали бы на вокзале целые сутки. Вечно ты, Женька, экономишь не там, где нужно.

Вдруг вспомнив, что в купе они не одни, девушка посмотрела в сторону Валерия Сергеевича и как бы оправдываясь, произнесла:

– Вы не думайте, мы не ругаемся. Это я так, больше для профилактики. Муж мой все-таки! Мы, вообще-то не шумные. Сейчас вот включим ноутбуки, и вы нас больше не услышите. Правда, Женька? Меня, кстати, Ритой зовут.

Она вытащила из сумочки мобильный телефон и набрала номер.

– Мама! Мамочка! Не волнуйся, все нормально, мы уже в вагоне. Кто с нами? – она мельком взглянула на Валерий Сергеевича. – Мужчина. Нет, мама, все нормально, не волнуйся. Приличный. неприличные в купе не ездят. Ну, все, мамуля! Вагончик тронется и чего-то там останется! Приедем – позвоню! Цём-цём!

– Вечно эти мамы переживают: «А ты кушала? А тепло ли оделась? А билеты не забыла?» Кстати, Женька, а где билеты? Отдал проводнику? – муж хотел было ответить, но Рита его перебила: – Что-то мы разболтались!

С этими словами она приподняла нижнюю полку и помогла мужу сложить под нее сумки. После чего достала целлофановый пакет и, взглянув на Валерия Сергеевича, сказала:

– Здесь завтрак туриста, – и засмеялась. – У меня мама, Женькина теща, такие пирожки печет – туристы пальчики оближут! Кстати, вы уже завтракали? – Валерий Сергеевич попытался было ответить, но Рита не дала ему произнести ни слова, – Значит, будем завтракать! А то мы пока добрались на перекладных до вокзала, много калорий потеряли, – с этими словами она стала выкладывать на стол завернутые в бумагу продукты. – Вот, яйца домашние, огурчики

соленькие. Все натуральное и свежее. Мы от родителей едем. Загрузились по полной. Недельки две протянем, а там снова в гости. А это что, угадаете? Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? Правильно – сало!

У Валерия Сергеевича непроизвольно заурчало в животе. Он машинально взглянул на часы. «Почти девять. А где же Дмитрий со своим чаем? Точно на меня стаканов нехватило», – подумал он. И в этот момент, как будто подслушав мысли Валерия Сергеевича, в купе вошел проводник.

– Ну, вроде все, тронулись. Следующая остановка – через пять часов. А это значит, что мы со спокойной совестью можем... – он посмотрел на Риту, затем перевел взгляд на Евгения, как будто видел их первый раз. – А, точно! Вы же мне свои билеты отдали, когда сажались. И это вы ради того, чтоб до следующей остановки доехать, билеты в купе взяли? Могли бы и пешком пройти, сколько тут? Всего ничего. Только ты больше не спрашивай, где находится стоп-кран, – сказал он, обращаясь к Евгению.

Заметив, что ему никто не собирается возражать, проводник спросил:

– А ты знаешь, почему в поездах стоп-кран красный, а в самолетах – синий? Ну, вот видишь, задумался.

Женя рассмеялся:

– Я не догадался, что вы меня разыгрываете, поэтому и задумался!

– Ну что молодежь, не против с нами понемногу? – и он щелкнул себя по горлу. – Мы тут с другом давним встретились, и по сто грамм решили накатить, – при этом многозначительно глянул на Валерия Сергеевича, ища его поддержки. Но тот совершенно не отреагировав на эти слова, молча наблюдая за происходящем.

Проводник мгновение помолчал, затем вытащил откуда-то бутылку с жидкостью желтоватого цвета, и продолжил:

– Как говорили древние греки – «Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган».

– Какие такие греки? – переспросила удивленная Рита. – Разве в Древней Греции были комсомольцы?

– Ну да, в Греции все есть! Это в России ничего нет, а там – всё. Так, по-моему, Андрей Павлович сказал.

– Какой такой Андрей Павлович? – переспросил Евгений.

– Ладно, проехали, – не уточнив, сказал Дмитрий. – Я забыл, что нынешняя молодежь книг не читает. «Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган» – так ведь в наше время говорили? – спросил он, теперь уже обращаясь к Валерию Сергеевичу.

Он на секунду замолчал, затем продолжил:

– Текила, граждане пассажиры, текила! Благородный напиток. Хотя и дорогой. Вы думаете, я тут тридцать лет только водку пью? Нет, братцы. Меня всегда чем-нибудь угощают. Вот тут давеча один иностранец текилу и преподнес. Все учил меня, как её правильно пить надо. Целая наука, оказывается! Соль, лимон, вернее лайм. Короче, алкогольный извращенец. Говорит, что если человек никогда не пробовал текилы, то он зря прожил свою жизнь. Я ему то же самое сказал, когда наш самогон наливал. Правда, сломался он на третьем стакане. И все удивлялся, почему этосамогон надо стаканами пить и, желательно, не закусывать. Не стал я его разочаровывать, говоря, что продукты закончились, а деликатно пояснил – так надо пить, чтобы букет лучше почувствовать. Но он его так и не успел понять, заснул, бедняга. А утром меня не признал. И чуть всех пассажиров без чая не оставил, выпив почти всю воду из бачка. Видно, палило его немилосердно.

– Ну, так вот. И если мы не хотим прожить свою жизнь зря, тогда расставляем посуду, – с этими словами он, как фокусник, достал из карманов граненые стаканы и боль-

шой лимон. Посмотрев на него, он с грустью в голосе сказал. – Нунетуменялайма, нет! Тут же не ресторан «Арагви»! И вообще, скажу вам честно – в жизни есть вещи получше выпивки, но выпивка позволяет без них обойтись.

Молодежь с интересом наблюдала за манипуляциями проводника, а Валерий Сергеевич в предвкушении празднования расставил перед разместившимися за столом попутчиками стаканы.

– Ну, нет, так дело не пойдет, – произнес Дмитрий. – Пока по всем правилам не хлебнем первую, никого сала и прочих излишеств. Устроили тут, понимаешь, столовую.

Молодежь с интересом наблюдала, как он, разлив понемногу напитка в стаканы, насыпал на тыльную сторону ладони между большим и указательным пальцем немного соли, зажал ими кусочек лимона и, лизнув соль, опрокинул текилу в рот, а затем, даже не поморщившись, закусил цитрусовым.

– Пошла родимая, хоть и не родная!

Все трое с интересом наблюдали за ним.

– Э-эх, душа болит! А лечишь ее – печень! Ну, чего сидим? – с этими словами он снова плеснул жидкости в свой стакан и, подняв его, произнес: – За тех, кто всегда в пути! То есть, за меня! – и, заметив, как Рита добавляет в стакан с напитком воду, поморщившись, сказал: – Смешивать такой благородный напиток с водой – значит портить две хорошие вещи. Давай лучше сало, красавица! Меня, кстати, дядя Дима зовут.

Теперь уже выпили все. На какое-то время в купе воцарилась тишина.

– А, впрочем, я вам скажу, текила и есть та же самая самогонка. Правда, запах благородней и пьется легче, – слегка откашлявшись, произнес Евгений. – Правда, Рит?

– Ну вот, нашелся дегустатора алкоголя, – обиженно

произнесла девушка. – Я эту самую текилу первый раз вообще вижу.

– Так это ж твоя мама, когда к ним приезжаем, всегда меня угощает первачком.

– Ну да! А ты, не успев выпить, вместо того, чтобы молодой жене внимание уделить, сразу на бок и спать, так же, как и тот иностранец.

Валерий Сергеевич от души рассмеялся. Ему было забавно наблюдать за этой молодой парой.

– Вот что у нас осталось с тех времен, так это наш национальный продукт, – с легкой тоской в голосе произнес он.

– С каких таких времен? – переспросила Рита.

– Да с тех времен, наверное, когда еще комсомольцы были, – спрогнозировал Дмитрий. – Угадал?

– Да, угадали, – ответил Валерий Сергеевич. – Я тут, пока никого не было, немного поностальгировал. Ведь большую часть жизни прожил в СССР, есть что вспомнить. А теперь еще и с чем сравнить.

– А что хорошего было в том вашем времени? – переспросила Рита. – Послушать ваше поколение, так все в раю жили, а на самом деле полжизни в очередях простояли. Бумагу туалетную, и ту из-под полы продавали. Как это там, Высоцкого – «Все жили вровень, скромно так: система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...» Вот в наше время... – но она не успела закончить свою мысль.

– А ты откуда знаешь? – прервал ее Виктор Сергеевич. – Думаешь, все счастье в этой самой бумаге? Мы слишком быстро прошли путь от газеты, которой пользовались не по назначению, к бумаге этой самой, да еще и с ароматизатором. Что ты знаешь о той жизни?

– Как откуда? Я что ж, по-вашему, неграмотная, книг не читаю, или с компьютером не знакома? Или у меня роди-

телей нет, которые мне о той жизни рассказывали? Моя мама, между прочим, бывшая учительница. Интеллигенция все-таки, хоть и сельская.

– А я даже знаю, что в Советском Союзе было всего два канала телевидения, а пультом от телевизора был самый младший в семье, – пошутил Евгений.

– А вы полжизни от компьютера не отходите, – резонно заметил Дмитрий. – Книжки в поездах, и те уже, смотрю, электронные читаете.

– Ну правда, что хорошего было в той жизни? – как бы пытаясь разрядить обстановку, спросил Евгений. – Мне ясно, вон дядя Дима всю жизнь колесил, и вместо компьютера общался с людьми. А вы? Вы кем работали, что так жизнь советскую хвалите?

«Да, действительно, – подумал Валерий Сергеевич, – может чего-то мы, старшее поколение, не понимаем. Может, сейчас молодёжи живется значительно лучше?» И он погрузился в воспоминания о своей жизни, большую часть которой прожил в СССР.

Сознательно он помнил себя лет с восьми, с того самого момента, когда многодетной маме предложили отправить его на все лето в пионерский лагерь. Путевка была совершенно бесплатной. Сам же лагерь находился в тридцати километрах от города, где он жил вместе с мамой, бабушкой и двумя старшими братьями.

Это сейчас популярна фраза «хорошее место лагерем не назовут». Но тогда тысячи детей, таких, как и он, имели возможность в летнее время отдыхать в чудесных местах под названием «пионерлагерь».

Валерка вместе с другими ребятами гордо шагал по аллейке, ведущей к небольшому деревянному домику с

табличкой, на которой большими буквами было написано непонятное ему слово «администрация». В руке он нес небольшой коричневый чемодан из кожзаменителя, куда они с мамой собрали самые необходимые вещи. На белой рубашке гордо красовалась пятиконечная звезда с портретом Володи Ульянова.

На пороге домика их встретила молодая девушка с красной повязкой на рукаве и комсомольским значком на груди.

– Здравствуйте, дети. Меня зовут Лариса Дмитриевна, я вожатая вашего шестого отряда. Но перед тем, как отправиться в корпус, вы все пройдете профилактический врачебный осмотр. Затем примете душ, и я вас распределю по комнатам. Отряд у нас небольшой – всего 16 человек. С каждым из вас мы познакомимся чуть позже. А сегодня нам нужно избрать председателя совета отряда, который будет мне помогать, – она улыбнулась. – Ну что вы так удивленно смотрите? У нас здесь очень весело. Вон, смотрите, ребята, которые вчера приехали, уже играют – кто в футбол, кто в бадминтон.

– Лариса Дмитриевна, – окликнула вожатую девушка, стоявшая рядом с Валерием. – А купаться в озере мы будем?

– Конечно!

– А плавать вы нас научите?

Другой мальчишка, не дождавшись ответа, тоже спросил:

– Акостербудет?

Ребята наперебой атаковали вожатую множеством вопросов. Лариса Дмитриевна же, строго посмотрев на детей, ответила всем и сразу:

– Ребята, у нас строгий распорядок дня, в нем предусмотрено все для того, чтобы вы хорошенько отдохнули и загорели.

В первые дни Валерка, как и другие ребята, привыкал к распорядку пионерского лагеря, учился соблюдать личную гигиену и правила поведения за столом. Все вместе ребята придумали название отряда – «Дружный», и выучили речёвку. И теперь, строем направляясь в столовую, они громко скандировали:

Раз, два, три, четыре,
Три, четыре, раз, два!
Кто шагает дружно в ряд?
Октябрятский наш отряд!
Кто впереди?
Мы впереди!
Для нас открыты все пути,
Октябрятская речёвка помогает нам идти!

А в столовой он впервые в жизни попробовал незабываемого вкуса котлеты. На стене красовалась надпись «У наснетмам, посудууберисам». Ребята наперегонки несли подносы с пустыми тарелками и выставляли их на столике рядом с окошком, на котором было написано «Пищеблок».

После обеда распорядком предусматривался дневной сон. Как шутили ребята из старших отрядов: «После вкусного обеда, по законам Архимеда, полагается поспать».

Валерка, как и его сверстники, с Архимедом лично знаком не был, но спать днем ни ему, ни другим совсем не хотелось. Они лежали под белоснежными простынями и негромко рассказывали друг другу всякие истории. Иногда в комнату тихонько входила Лариса Дмитриевна и комната сразу наполнялась дружным посапыванием.

Валерка был избран председателем совета отряда и теперь в свободное время готовился к торжественной линейке, на которой ему предстояло от имени всего отряда подать рапорт председателю совета дружины.

Утром их всех будил пионерский горн. Уже в первые дни вся детвора знала, что означает его незатейливая мелодия – «Соня, соня, тут тебе не дома! Вставай, вставай, штанишки одевай!» И все ребята, все еще сонные, дружно бежали на утреннюю зарядку.

Потом следовала уборка комнаты и лагерное построение под звук доносящейся из репродуктора песни:

Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
Только утро замаячит у ворот.

Ты увидишь, ты увидишь, как весёлый барабанщик
В руки палочки кленовые берёт.

Так бежали лагерные будни. Отряд часто ходил на прогулки по окрестностям лагеря. Они собирали сувениры на память о лагерьном лесе, цветы и листья для гербария. Ходили в походы, на рыбалку, принимали солнечные ванны, купались. Лагерь заполнял жизнь детей полезными развлечениями – играми, конкурсами и состязаниями.

Особенно Валерке запомнилась торжественная линейка, посвященная открытию лагеря. Когда прозвучала команда: «Дружина, под знамя, смиренно!», барабанщики и горнисты заиграли марш. «Равнение на знамя!» – прозвучал командирский голос. И все дети, стоящие в строю, повернули голову в сторону флага.

Начальник лагеря обратился к детям с призывом:

– Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

– Всегда готовы! – прозвучало в ответ.

Вечером в лагере разожгли огромный костер, пламя которого, казалось, касается неба.

А какие песни они разучивали! «Марш пионерских дружин», «Песня о весёлом барабанщике», «Пионерский костёр», «Орлёнок», «Пусть всегда будет солнце». Валер-

ке особенно понравились слова одной из песен, которые звучали торжественно и гордо:

Слышишь, товарищ, гроза надвигается,
С белыми наши отряды сражаются,
Только в борьбе можно счастье найти,
Гайдар шагает впереди.

Он не понимал, с кем нужно бороться и о какой борьбе вообще идет речь в песнях, которые они пели, но гордость переполняла его сердце и, размахивая небольшим красным флагом, он вместе с другими громко распевал:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца,
И степи с высот огляди.
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один.

«А какая жизнь у них сейчас? – подумал Валерий Сергеевич. – Все не так как-то...»

Женьке шел двадцать второй год. Это означало то, что он родился в новом независимом государстве, некогда бывшем частью Союза ССР.

Парень сидел за столом небольшой кухни и, по установившейся традиции, пока его жена Рита готовила завтрак, смотрел по телевизору выпуск новостей, о которых с экрана вещала молоденькая дикторша.

«Вчера пьяный водитель на пешеходном переходе сбил двух местных жителей. Один из них скончался на месте, второй находится в реанимации...»

Накануне вечером был задержан подозреваемый в нападении на инкассаторскую машину...

Пьяный водитель погиб во время погони за ним инспекторов ГАИ...

Милиция разыскивает преступника, изнасиловавшего несовершеннолетнюю...»

– Женька! Да выключи наконец ты эту муть или переключи на что-то нормальное! Сто пятьдесят каналов, а у тебя то убийства, то изнасилования! Найди что-нибудь повеселее.

– Рита! Это же самое веселое, о чем сегодня вещает телевидение.

Женя взял в руки пульт и начал переключать каналы. Боевик, снова боевик. Он еще раз нажал на кнопку. На канале шла реклама: «Наша клиника проводит безоперационное лечение геморроя». Дальше рекламировалась бытовая химия и предметы личной гигиены. Из рекламы средства по уходу за унитазом стало понятно, что, оказывается, туалет – это лицо хозяйки, а туалетная бумага такая мягкая, что ей можно доверить самое дорогое. Время же лучше проводить с друзьями, а не с тампоном...

Женя раздраженно переключил телевизор на канал международных новостей, и сразу услышал: «Геем с нынешнего года разрешено регистрировать браки и заводить детей, а в школах будут проводиться уроки гей-толерантности...»

– Рита, тебя сильно беспокоит жизнь геев? – шутливо спросил он жену.

– Меня больше беспокоит то, что скоро детей рожать будет некому, – ответила Рита. – Вчера на улице увидела огромный бигборд – «Требуются суррогатные матери, высокое вознаграждение». Куда катимся? Раньше, по статистике, на десять девочек приходилось девять мальчиков. Сегодня статистика та же, только из девяти – три наркомана, четыре алкоголика, а двое – уже женатые.

– Так ты радуйся, любовь моя, что я не вошел в число семерых.

– Да я не за себя. Мне за всех женщин обидно, – ответила Рита.

– Ага, и поэтому большинство из этих десяти женщин с горя начали курить и пить.

– Женька, помолчи, ты ведь знаешь, что в споре с женщиной последнее слово может произнести только эхо. Поэтому я сказала то, что сказала.

– Рита, а что это за запах такой? Ты что готовишь?

Рита заулыбалась.

– Никакой новизны, мой милый! Это твоя любимая яичница. Из трех яиц. Они, заметь, свежие. Только из-под курицы, бабка на рынке сказала. Я, правда, переспросила, сколько у бабули курочек, что столько яиц нанесли. И где она их держит, если я знаю, что она в пятиэтажке возле рынка живет... Получается, как в анекдоте – «Где деньги берешь? В тумбочке! А в тумбочке они откуда берутся? Так я же их туда кладу!»

Рита принялась.

– Да, есть легкий запах.

– Легкий? – переспросил Женя, поморщившись. – Да от них запах идет, как от куриного помета! И кур непонятно чем кормили...

– Все-то ты знаешь, мой милый, везде-то ты был! Не хочешь яичницу, возьми пирог в холодильнике, тот, что вчера в супермаркете купили, – предложила Рита.

– Да не желаю я, милая моя, из супермаркета! Я хочу, чтобы ты, как твоя мама, сама мне испекла, – обиженно произнес Женька.

Но все же взял кусочек и обрадовано произнес:

– А знаешь, очень даже вкусный. Тебе, конечно, слабо такой испечь?

Рита подошла к мужу и нежно его обняла.

– Ну конечно, Женечка, слабо: у меня же нет ни глутамата натрия, ни E517, ни E1452! Кстати, Женя, ты у меня все

знаешь, ведь на целых три года старше. Давно хотела тебя спросить – ты тараканов застал?

– Каких тараканов? – удивленно переспросил Женя.

– Ну, настоящих. Помнишь, мама рассказывала, что у них раньше в доме на кухне обязательно тараканы жили. Ну, такие, черненькие.

– Черненькие? – переспросил Женька. – Видел! Нам в город когда-то на выставку целую коллекцию жучков, тараканчиков и бабочек разных привозили. А живую больше не видел. А ты чего это вдруг тараканами интересоваться стала, в институте изучаете, что ли?

– Да какой институт! У нас там давно никто ничего не задаёт и ничего спрашивает. Хочешь – учишь, не хочешь – не надо!

– А как же зачеты, экзамены? – удивленно спросил муж.

– Ты как с луны свалился! Или у вас в техникуме не так все было? Зачетка – она деньги любит. Положил желтенькую или зелененькую, и ты уже значительно углубил свои познания.

В это время Евгений включил компьютер, и после загрузки ввел в поисковике слово «таракан».

– Так, что нам по этому поводу скажет Википедия? Вот, таракан. Тело плоское, овальное, длиной от 4 мм, брюшко удлинённое. Таракановые являются одними из самых выносливых насекомых на Земле. Некоторые тараканы способны до месяца прожить без пищи.

А вот еще очень интересное. «Черный таракан был в чести у наших предков, а его наличие дома считалось признаком достатка. Однако в середине XX века он был полностью вытеснен своим рыжим собратом. Однако и последний продержался недолго. Возможно, из-за излучения компьютеров и сотовых телефонов они так же исчезли».

– Ну вот, теперь я поняла, почему у нас нет достатка в доме, – иронически заметила Рита. – Нет тараканов – нет денег.

– Как это нет достатка? – возмутился Женя. – Два компьютера, четыре мобилки, микроволновка. Только что в туалете телевизора нет!

– А я тараканов хочу, – упрямо сказала Рита.

– У тебя они в голове постоянно живут, – заметил Женя.
– Помнишь, я по этому поводу даже стишок сочинил:

У многих нынче тараканы,

Букашки, бабочки, жуки.

У всех у нас свои изъяны,

Свои на сердце пауки!..

– Нам, Женя, – не дав додекламировать стихотворение до конца, сказала Рита, – кстати говоря, надо встать в очередь в детский сад.

– Детский сад? Как так? – удивленно переспросил парень. – Ты ж вроде еще не того, ну в смысле, не беременна.

– Женя! Спустись на землю! У нас в городе очередь в садик на пять лет вперед. Понимаешь – пять! А это значит, что если у нас появиться ребенок, скажем, через девять месяцев, то пока подойдет наша очередь, ему уже в школу нужно будет идти!

– Н-да, – задумчиво произнес Евгений. – Я думал, это анекдот, а это, оказывается, наша действительность.

– Какой анекдот? – спросила Рита.

– Про пятиклассника Вовочку, которому пришлось бросить школу, потому что подошла его очередь в детский сад.

– А ты, кстати, был вчера в центре занятости? – перевела разговор на другую тему Рита.

Муж, дожёвывая кусок пирога, молча кивнул.

– Ну и как, есть надежда на трудоустройство?

– Я не знаю, чем руководствовались чиновники, когда называли эти учреждения центрами занятости, но эти наименования на самом деле не соответствуют действитель-

ности. Во-первых, это далеко не центр, а дворец, судя по роскошному убранству, изобилию мрамора и прочих излишеств. А во-вторых, центр не занятости, а, скорее, всеобщего безделья, я бы даже сказал, узаконенного тунеядства. Пока в очереди стоял, такого наслушался! Ты знаешь, оказывается, большинству наших сограждан, то есть тем, кого ставят на учет как безработных, работа совсем не нужна. Они уже где-то пристроились, а некоторые могут сами пособие платить, минимум половине населения города. А тем, кто реально ищет работу, предлагают всякую ерунду. Передо мной стоял мужчина, строитель, которому осталось два года до пенсии, так знаешь, что ему предложили? Не угадаешь вовек! Получить профессию парикмахера или повара. Ты б посмотрела на руки этого повара-парикмахера – он всю жизнь кирпичи клал и бетон месил. Руку на голову при стрижке положит – и, считай, пациент калека. Лучше б уже на официанта выучили. На такой экземпляр с передничком или с бабочкой многие б приходили поглазеть, как думаешь?

Так этот мужик чуть не плакал перед девушкой, которая за компьютером сидела. Мне, говорит, семью надо кормить, а не учиться. А она ему: «Дядя! О семье раньше нужно было думать. И в школе лучше учиться! Я ж не виновата, что уже год, как строители не нужны, – и добавила, – официально. А неофициально вам, дядя, никак нельзя. Вам пенсию скоро оформлять.

– Ты лучше не о других, ты скажи, что тебе предложили? А то на шею у родителей мы долго сидеть не сможем. К тому же, за аренду квартиры каждый месяц платить надо. И, заметь, в условных единицах.

– Ну, это ж ты в город захотела переехать. Жили бы себе в селе, перепелочек выращивали. Уровень культуры, видишь ли, тут выше! И с работой проще! Проще было, пока кризис не ударил. А сейчас таких как я, молодых и перспек-

тивных, тысячи. Слава богу, родители у нас еще молодые, пару лет еще прокормят. И вообще, хочу тебе сказать – не в город нам нужно было ехать, а двигать из этой страны куда-нибудь за кордон.

– Ага, так там тебя и ждут! Встречают в аэропорту: «Вы Евгений? Мы вас уже лет пять, как ждем, вы нам так нужны!» И сразу же в аэропорту дают в руки метлу, и ты вместе с неграми принимаешься за труд на благо другой страны.

– Рита, ты отстала от жизни! Негры как раз уже и не работают! Они по новым законам такую социалку получают, что нам бы хватило с тобой безбедно год, а то и два прожить!

– Ну вот, значит я права! Езжай милый, устраивайся, убирай за неграми. А как накопишь денег, купишь билет на обратную дорогу, возвращайся. Я лучше тут как-нибудь, на окорочках и душистых яйцах проживу.

В купе стало жарко. Дмитрий, достав ключ, открыл окно.

– Не положено по инструкции окна открывать, кондиционеры вроде работать должны, – опережая вопрос Валерия Сергеевича, почему он не сделал этого раньше, сказал проводник.

– Дядя Дима! А вы вот все колесите, колесите. А за границей бывать приходилось? – спросила Рита.

– Ну конечно, – ответил проводник, – Молдавия, Белоруссия. Ну, вы тут разбирайтесь, что к чему, а я к штабному сбегая, сводку по свободным местам отнесу. А то и так с вами засиделся, – он залпом выпил остаток текилы, снова положил в рот кусочек лимона, прожевал и проглотил, а после, что-то тихо напевая себе под нос, вышел из купе.

– Нет-нет! Я о реальной загранице спрашиваю, – теперь уже обращаясь к Валерию Сергеевичу, продолжила Рита. –

Мы, например, в свадебное путешествие в Египет ездили. Вот эта страна! Жили как шейхи. Постель меняли каждый день. Вода горячая. А в ванной комнате – бутылочек, баночек разных! Мы их как сувениры домой забрали. А вы где за свою жизнь побывали? Небось, тоже в Белоруссии?

– Ну почему же? Вы думаете, что нас из СССР никуда не выпускали? Побывал, конечно. И в Болгарии, и в Югославии, и в ГДР. Но все же, хочу заметить, лучше страны, чем та, где родился и вырос, нет. Даже если где-то там постель чаще меняют.

– А что тут хорошего, в нашей стране? – удивленно спросил Евгений. – Я вон на работу устроиться не могу, а Рита без взятки зачет не сдаст. На улицу после восьми вечера страшно выйти. И не потому, что свет отключают и ничего не видно, даже моими четырьмя глазами, а так как боюсь, чтоб два из них разобьют.

А наркомания? В подъезд не войдешь, пока молодежь прививки не сделает. А давеча пошел в больницу, чтоб сделать МРТ плеча, так там объявление висит, что томографию можно сделать только лишь через месяц – огромная очередь. Дал денег, сразу и очередь рассосалась. Доходит до смешного. Я говорю другу – врач запретил пить спиртное, даже пиво. А он отвечает: «Так ты денег дай, он и разрешит». Маразм полнейший! И вообще, что в нашей стране молодежи сейчас светит? Кальян-клубы?

– Вот-вот, молодой человек, вы уже сами начинаете убеждаться в том, что в СССР-то лучше было, – иронически заметил Валерий Сергеевич. – По крайней мере, такого бардака, какой развели сейчас, точно не было. Хоть пожаловаться кому-то можно было. Помню, соседка написала жалобу, что ей врач нагрубил, так поликлинику, где он работал, целый месяц проверки всякие трясли, начиная с начмеда.

Вот вы спрашиваете, что сейчас светит молодежи? И сами же себе противоречите. Вы ж гордитесь тем, что у вас поколение айфоновцев и айпетовцев, а не тимуровцев. Вам нравится сутками просиживать в Интернете. А как же – в нем все, как на ладони. Секс, насилие, суициды, и прочие развлечения. А мы могли уйти из дома утром и играть целый день на свежем воздухе, возвращаясь только тогда, когда зажигались уличные фонари. И мамы не волновались за нас так, как сейчас, хотя мобилок тогда не было. Кстати, воду пили из колонок, которых на улицах стояло множество. В крайнем случае, за одну копейку в автомате, из общего стакана, который имел место быть всегда.

У нас не было того, что есть сегодня у нынешнего поколения – игровых приставок, компьютеров, сотен каналов спутникового телевидения, сотовых телефонов, Интернета. Мы просто играли в футбол, что-то мастерили с друзьями. Раньше как было? Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья! А сейчас? Телевизор и айпед – лучше друга в мире нет!

– Да-да, молодые люди, заметьте – у нас были друзья, с которыми мы общались не с помощью sms-ок, электронной почты, а вживую. Спрашиваю внучку: «Ты кому это sms-ки постоянно отправляешь?» «Да Катьке», – говорит. А Катька – это наша соседка по лестничной площадке, где мы живем. «А чего ж ты, – говорю, – не сходишь к ней сама?» «Так прикольной, – отвечает, – да и ходить не надо!»

А продукты? Какие продукты были! Я помню, как пацаном бегал с утра в магазин, очередь за молочными продуктами занимать. Так извините, какими они были? С завода, в бидонах, все свеженькое... И срок реализации – три-четыре часа. А теперь что? Для молока срок хранения – месяц, для творога – десять дней.

Знаете, почему сейчас колбаса не портится? А в ней попросту мяса нет! Соя плюс всевозможные добавки, ка-

зеинат натрия, нитриты, красители, консерванты, ароматизаторы, стабилизаторы. На составе колбасы урок химии можно проводить! Кинул недавно собаке кусочек «Докторской», так она мало того, что есть не стала, видно, нанюхавшись этой самой колбаски, два дня из будки не выходила. Как признался представитель завода по производству колбасы, опилки и макулатуру в нее не кладут – это слишком дорогое сырье. Шутка, конечно, насчет опилок. Но в каждой шутке есть доля правды, – закончил свою мысль Валерий Сергеевич. – Продолжать?

В этот момент в купе ввалился запыхавшийся проводник.

– Молодежь, чего сидите? Вам же выходить надо! Стоянка всего десять минут!

– Женька! – в голосе Риты зазвучал металл. – Вечно ты уши развесишь и пытаешься спорить! Тащи сумки на выход! – она повернулась к Валерию Сергеевичу. – Вы нас извините, если что не так. Хороший вы собеседник и рассказываете интересно, но нам надо из вашей сказки в нашу быль переходить! Мы уже привыкли к этой жизни. И другой не хочется. Потому как мы по жизни оптимисты и понимаем, что лучше уже не будет! Кстати, это ж ваш лидер на вопрос «Почему в магазинах нет мяса?» неизменно отвечал: «Мы идем к коммунизму семимильными шагами, а скотина за нами не успевает!» А теперь хоть бы нам не отстать от этой жизни! Пока! – она махнула рукой. – Может, еще встретимся когда-нибудь.

Валерий Сергеевич проводил случайных попутчиков взглядом. «Молодежь – она и есть молодежь. И в те времена, и сегодня. Только одни приоритеты заменены другими, и ценности изменились. Да и какие эти ценности сегодня? В основном, потребительские, культ накопления. Раньше говорили: «Кто, если не мы?» А сейчас – «А почему я?» Или:

«Раньше думай о Родине, а потом о себе». А сейчас? «Родина там, где хорошо». А какая это страна, уже не важно. Вот и расползлись по миру кто куда.

Раньше уважали старших, а теперь послать его куда подалее или оттолкнуть – обычное дело. Было уважение к женщине, а сейчас?»

Валерий Сергеевич с сожалением подумал: «Жаль, что время так быстро пролетело, и собеседники ушли. Ведь еще о многом можно было поспорить! Хорошие ребята, хотя и мыслят не так, как хотелось бы. А может, наши родители тоже считали, что мы не такие, как им хотелось?»

Поезд тронулся, а он снова мысленно возвратился в те далекие годы.

Валерию хорошо запомнилась церемония принятия в пионеры. Торжественно произнесенные слова клятвы – «Горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин...» И красный галстук, повязанный на шею. «Как повяжешь галстук – береги его, он ведь с красным знаменем цвета одного».

А с каким подъемом и интересом он вместе с такими же ребятами принимал участие в пионерских операциях, таких как «Миллион – Родине»! А ко дню птиц соревноваться – чей скворечник лучше. Особым ритуалом был сбор макулатуры и металлолома. Где они только не искали вторсырья, чтобы отряд вышел на первое место!

Так же из пионерских лет запомнилась военная игра «Зарница». Ждали её все с нетерпением. Ведь она предусматривала обязательный поход куда-нибудь за город, интересные соревнования, и, конечно же, кашу, приготовленную на костре.

Он помнил, как гордо шагал домой в куртке нараспашку: смотрите, завидуйте – я пионер. И алый галстук развевался на груди.

– Валерочка, поздравляю тебя, – сказала мама. – Я горжусь тем, что у меня растет такой сын. – Она раскрыла кошелек, извлекла из него купюру в один рубль, протянула сыну. – Сбегай в магазин и купи себе сладостей. Всего, чего захочется. У тебя ведь сегодня праздник.

«Конечно, – подумал Валерий Сергеевич, – в то время полки не ломались от изобилия всевозможных продуктов, а виды кондитерских изделий можно было пересчитать по пальцам. Но вкус их остался в памяти на долгие годы».

Радостный Валерка побежал в магазин. В его руках было целое состояние. Он мысленно представлял, что купит на эти деньги. Новоиспеченный пионер долго мялся возле прилавка, в уме подсчитывая, во сколько ему обойдется тот или иной вариант покупки. В конце концов, он решил, что будет неправильным, если он один воспользуется этими деньгами. Поэтому Валера купил маме пирожное «Картошка» за 22 копейки, братьям – два кекса «Школьных с изюмом» по 16 копеек штука, а себе – маленькую шоколадку «Сказки Пушкина» за 20 копеек, а также мороженое пломбир в вафельном стаканчике за девятнадцать. Получив семь копеек сдачи, он на эту сумму решил купить еще и коржик.

Валерий Сергеевич мысленно стал подсчитывать, во сколько такой кондитерский набор обошелся бы ему сегодня. Но, поняв бесполезность этой затеи, снова погрузился в воспоминания.

Да, детские годы пролетели незаметно быстро – пионерия, комсомол, выпускной вечер. По окончанию школы о поступлении в институт не могло быть и речи. И не из-за отсутствия необходимых знаний, а, скорее, необходимости

помочь семье материально. Хотя зарплаты в сто двадцать рублей, которую получала мама, хватало на то, чтобы одеть, обуть и прокормить их большую семью из пяти человек.

Валерий Сергеевич ужаснулся от мысли о том, сколько средств нужно теперь, чтобы полноценно содержать такую семью. Поэтому, наверное, многодетных семей сейчас практически нет. Хотя, правду говоря, и соблазнов стало больше. Магазины переполнены товарами, а люди снуют, выискивая что-нибудь такое, чего нет у других. Раньше была проблема, что купить, а сейчас – куда купленное складывать. Квартиры превратились в склады обуви, одежды, игрушек и прочего барахла. И, самое главное, у людей пропало чувство удовлетворения от приобретения обновок.

«Раньше любая покупка, даже самая незначительная, радовала минимум неделю. А сегодня приобретения не радуют людей, они оживляются только в момент... – Валерий Сергеевич задумался, вспоминая модное слово, которым нынче называют времяпрепровождение при посещении магазинов, – шопинга».

Он мысленно выругался. «А слов-то каких набрались! Креатив. А почему не творчество? Дресс-код, а не форма одежды? Паркинг, а не стоянка? Люди стали жить в отелях, а не гостиницах, ходить на шоу, а не на зрелища, требовать хорошего сервиса, а не обслуживания. Такой стала наша ментальность. Или, попросту, склад ума».

Валерий Сергеевич почему-то вдруг вспомнил произнесенную в сердцах фразу Евгения «Я вот на работу устроиться не могу, а Ритка без взятки зачет не сдаст...»

«А я сразу после школы без помощи центра занятости, о необходимости которых никто в то время даже не догадывался, пришел на близлежащий от дома комбинат, постучался в дверь с надписью «Отдел кадров» и...»

Его встретил круглолицый мужчина невысокого роста.

– Садитесь, молодой человек, – сказал он и указал на стоящий рядом стул. – Хотите у нас работать? И кем же?

Валерка, растерявшись, сказал:

– Мне работа нужна там, где больше платят. Хочу маме помочь.

– Директором пока взять тебя не можем, – задумчиво произнес кадровик, проводя пальцем по листку бумаги. – Ну вот, по-моему, кое-что есть подходящее – ученик слесаря контрольно-измерительных приборов и автоматики. Срок обучения – 3 месяца.

– Нет-нет! Мне работа нужна, учиться сейчас некогда, – мгновенно возразил Валерка.

– А учиться ты будешь, как у нас принято говорить, без отрыва от производства. А за учебу тебе будут еще и платить. Целых 75 рублей. Ну что, согласен? Ну, тогда давай будем заполнять бумаги.

Комбинат был огромным производством, выпускающим консервную продукцию, которую поставляли во все уголки СССР. Об этом Валерка узнал от наставника, которого закрепили за ним на весь период обучения. Кроме всего прочего, ему выдали синюю спецодежду и небольшой набор инструментов – плоскогубцы и отвёртку.

Табельщица Евдокия Александровна вручила листочек синего цвета, который был разбит на небольшие прямоугольнички с надписями «Талон на обед». Там же стояла дата и стоимость – 37 копеек.

– Обедать будешь в столовой комбината, каждый талон на кассе будут отрезать, – объяснила она. – А за талоны нужную сумму вычтут с зарплаты. Все уяснил? – спросила она. – Ну, если что, подходи. Что удивлен, что можно поесть

на эти 37 копеек? – увидев его округлившиеся глаза, спросила Евдокия Александровна. – У нас добавки не просят. Кормят хорошо! Не забывай, ты ведь работаешь на комбинате, где производят более 150 видов консервированной продукции, начиная от баклажанной икры и томатного сока, а заканчивая различного вида тушенкой.

Валерка шагал по территории комбината и с интересом читал плакаты и надписи на стендах – «Борись за качество продукции», «Политбюро ЦК КПСС», «Передовики производства».

Валерий Сергеевич подумал: «А сейчас? Нынче человек перестал быть единицей, необходимой для существования предприятия. Тогда люди верили, что они нужны как личности, нужны как работники, и это стимулировало. Главное, все были рады, гордились достижениями, своих и близких».

Он снова погрузился в воспоминания. А как торжественно его и других молодых ребят через три месяца посвящали в рабочие! Дом культуры комбината был заполнен работниками комбината. Играл духовой оркестр. И тогда же прозвучали слова, которые врезались в его память на всю жизнь:

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые,
Руками золотыми назовет.

– Наконец-то добрались, – произнесла Рита, бросив сумку на пол. Женька закрыл дверь и присел на стоящий у порога стул.

– Да, – протяжно произнес он. – У тещи хорошо, а на съёмной квартире тесно!

– А как же «с милой рай и в шалаше»? – спросила Рита.

– Рай, он, конечно, и в шалаше рай. День-два. А потом и комфорта хочется. Давай ныряй под душ первая, а я пока сумки на кухне разберу.

Ритка не возражая, скинула прямо в прихожей джинсы, футболку. Муж наблюдая за ее движениями, загадочно произнес: «Рит, а, Рит, а может? Все таки, три дня без рая!»

– Женька, какой рай? Мне еще перестирывать всё надо с дороги, есть приготовить!

Но знакомым ноткам в ее интонации Женька понял, что еда может и подождать.

– ...А все-таки, как здорово жить отдельно от всех, – произнесла потягиваясь под одеялом Рита. – Я вообще не могу понять, как люди раньше жили по десять человек в одной комнате. И откуда дети брались?

– Ну, раньше их то аисты приносили, то в капусте находили. А вот сегодня даже первоклассник знает, что в капусте только червячки водятся. Да и слово капуста сегодня имеет совершенно иное значение.

– А почему аисты перестали носить детей? – наивно спросила Рита.

– Аисты? – переспросил Женька и задумался.

– Ты чего молчишь? Вспоминаешь, откуда ты взялся?

– Та нет. Вспоминаю анекдот про аиста.

Сынок подходит к отцу и спрашивает:

– Папа, а правда что меня аист принес?

Отец ему:

– Да, правда. И зовут его дядя Жора из 37-й квартиры. Я тогда этому аисту сразу клюв погнул, чтоб с другими аистами не перепутать.

Ритка рассмеялась.

– А я то думаю, чего это ты такой неприветливый с аистами, которые со мной в институте учатся.

И чтобы не продолжать малоприятную для мужа тему сказала:

– А ты знаешь у меня из головы не выходит сегодняшний разговор в поезде. Мужик интересный. Так искренне отстаивал жизнь в СССР. Неужели и правда интересно жить было?

Не дождавшись ответа от мужа, продолжила:

– А как ты думаешь, вот если вдруг на нашу страну нападут какие-нибудь агрессоры, наша молодежь так же станет ее защищать, как и в 41-м?

Женька широко раскрыл глаза от удивления:

– Агрессоры? Война? Да ты чего, мать, мы же мирная страна.

– Нет, это я так, теоретически. Просто не могу представить девушку с силиконовыми губами и грудью, держащую в руках автомат.

– Да ты еще представь себе парня, у которого зад шире плеч, и который не может пролезть в люк танка, – засмеялся Женька. – Ты, Рита, утрируешь. Ну, не все же мы такие. В любые времена были особенные люди, которые хотели выделиться на фоне других. Панки, хиппи...

– Ты не совсем удачный пример привел, по поводу узких плеч, – возразила Рита.

– Мы сегодня, кстати, с тобой, когда в поезде со старшим поколением спорили, как-то неуверенно отстаивали нынешнюю жизнь. Не могли аргументы по-убедительнее привести. А в некоторых случаях и поддакивали, что, мол, жизнь-то неплохая была. Запутались мы с тобой, Ритка, запутались, – ухмыльнулся Женька. – И, заметь, не только мы с тобой. Шарахаемся вместе со страной. То влево, то впра-

во. Как в песне: «И носило меня, как осенний листок, я менял имена, я менял города».

– В данном случае эти слова точно о нас. Это мы с тобой города меняем, а я еще и фамилию сменила.

Минутная пауза привела к взрыву активности.

– Всё, ладно! Хватит валяться! Давай вставать. – И, сладко вытянувшись обнаженной перед мужем, пафосно произнесла: – Нам о Родине думать надо, без нас Родина никак. Как там коммунисты пели: «Раньше думай о Родине, а потом – о себе!»

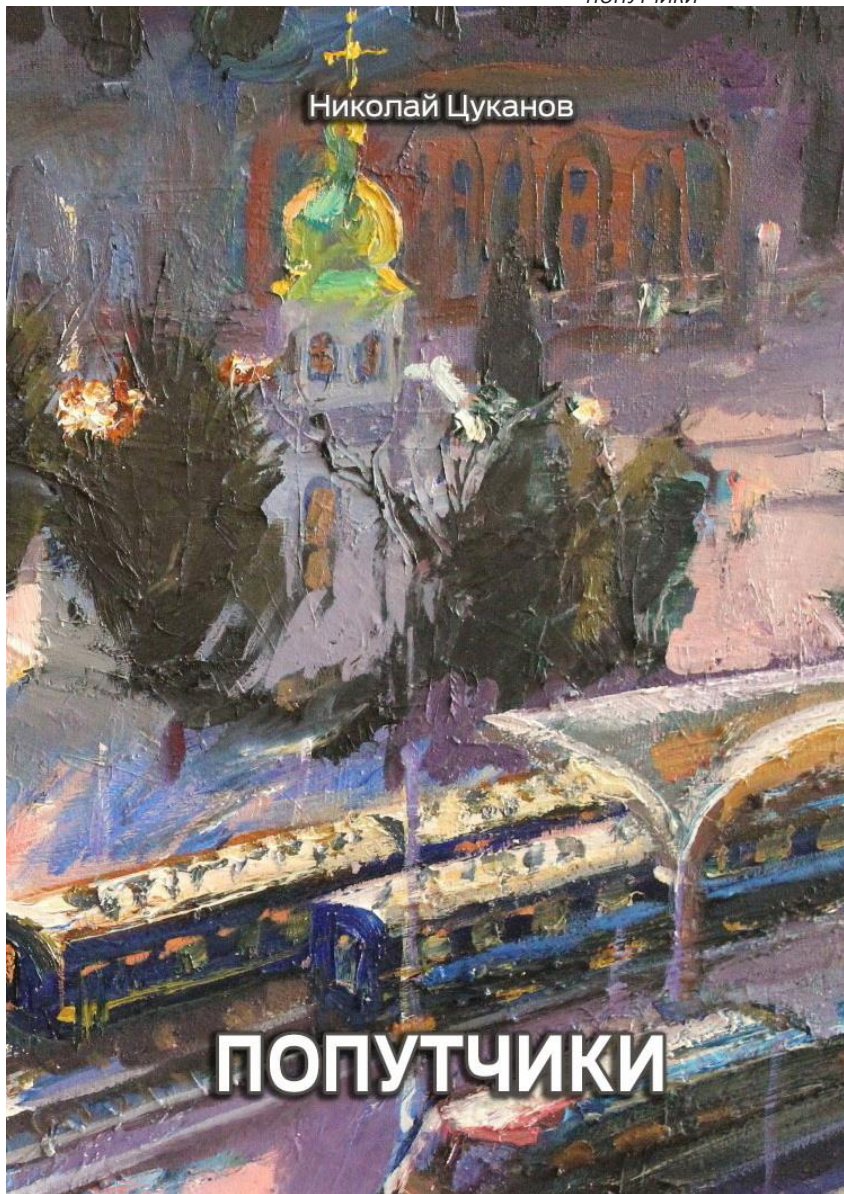
– Рит! Ну, я очень прошу, – жалобно затянул Женька. – Ты сначала обо мне подумай! Я есть больно хочу!

– А что, любовь уже не кормит? – иронически спросила Рита.

И улыбаясь пошла на кухню.

Визг тормозных колодок вернул его в действительность. Валерий Сергеевич снова посмотрел в окно. Теперь поезд стоял среди поля, на котором колосилась еще неубранная пшеница. «Как схожи колосья между собой и как один человек не похож на другого! Но общее у всех колосьев – это поле, а у нас – огромный мир, в котором мы живем. И раз всем нам – и молодым, и не очень – дано право жить в нем, то мы должны смириться с тем, что у каждого времени есть свое поколение, а лучше оно или хуже – решит только время» – подумал Валерий Сергеевич.

Николай Цуканов

ПОПУТЧИКИ